

закономерностей дискурса, понимаемого как реализация вербального кода в определенном коммуникативно-социальном контексте. Систематизация описаний дискурса в отношении его инвариантно-вариантного строения, парадигматики и синтагматики, уровневой структуры дискурсивных явлений еще не осуществлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т 1. – 550 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. – Л.: Гос. соц.-эконом. Изд-во. 1934. – 324 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
6. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия. – 1990. – 685 с.
8. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 7–34.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35–73.
10. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

Н.И.Курганова

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ОБЫДЕННОГО ЗНАНИЯ

Проблема знания в последнее время вошла в число важнейших междисциплинарных проблем [10: 40]. Но именно когнитология как наука, объектом которой является ментальных процессов и структур, «объединила под своей эгидой все те дисциплины, которые так или иначе были связаны с изучением человеческого мозга и его работой» [13: 3]. В ряду специальных дисциплин, исследующих знание и познание, когнитивной лингвистике отводится особая роль, поскольку в центре внимания исследователей «находится язык как общий когнитивный механизм и когнитивный инструмент», который непосредственным образом участвует в репрезентации и трансформировании информации [13: 53].

Знание как центральное понятие когнитивной науки охватывает достаточно широкий спектр представлений, относящихся к итогам познавательной деятельности человека. Но в последние десятилетия

именно обыденное или повседневное знание стало объектом пристального изучения в социологии, философии, культурной антропологии. Это вызвано тем, что особую актуальность в социальных науках приобретает обращение к повседневной реальности со стороны обыденного человека, непрофессионала, «наивного ученого». Г.М. Андреева видит причину данной тенденции в усложнении общественной жизни, в нарастании темпов социальных процессов, что требует от обыденного человека понимания того, что происходит и умения быстро ориентироваться в окружающем мире [2: 6]. «Бурный темп социальных изменений, развитие средств массовой информации требуют от человека не только большей адаптации к социуму, но и умения “совладать” с новой ситуацией, т.е. оптимизировать деятельность в ней, следовательно, лучше понять, как соотносятся наши знания о мире с изменениями в нем» [Ibid.]. По мнению А.А. Залевской, обострение внимания к особенностям обыденного знания вызвано пересмотром традиционных взглядов на специфику процесса познания в гуманитарных науках, в частности, изменением общенаучного подхода – переносом фокуса на живого (познающего мир, мыслящего, чувствующего, переживающего) человека [10: 51].

Прежде всего следует отметить, что *обыденное знание* (common knowledge) «вовсе не обязательно противоречит научному по своему содержанию» [8: 66], более того, в последнее время появляется все больше работ, в которых проводится аналогия между научным и обыденным знанием (см.: [10: 48–51]).

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, обыденное или «дотеоретическое знание» есть знание особого рода, это сумма того, «что каждый знает о социальном мире» [3: 109]. Именно поэтому исследователи стремятся изучить «ту реальность, в которую постоянно погружен человек и которая ощущается как естественное состояние» [6: 142–143]. Стоит вспомнить, что еще У. Найссер, отец американского когнитивизма, призывал принимать в расчет то, «как люди действуют в реальном мире, как они взаимодействуют с ним», и критиковал ученых за безразличие к вопросам культуры [21: 28–29]. Рекомендации У. Найссера сводились к следующему: необходимо «уделить больше внимания деталям того реального мира, в котором обитают воспринимающие и мыслящие индивиды, а также тонкой структуре информации, предоставляемой им этим миром» [Op. cit.: 30].

С точки зрения известного специалиста в области социологии культуры, профессора Ф.И. Минюшева, повседневное знание составляет содержание повседневной культуры, которая «включает в себя все то, что необходимо освоить индивиду для того, чтобы стать членом социума» [20: 32]. Как известно, сфера повседневной культуры в наибольшей степени регулируется сложившимися обычаями и нормами, в силу чего она мало осознаваема [6: 142–143], но, с другой стороны, ее роль в жизнедеятельности людей огромна, поскольку в своей практической деятельности человек, как

правило, опирается на «наивную» картину мира, т.е. на тот комплекс знаний, представлений, которые вырабатываются в процессе повседневного общения и взаимодействия с миром. В таком случае в условиях межкультурных контактов область обыденного знания может служить источником конфликтов и недопонимания, поскольку каждый из коммуникантов считает свой образ мира привычным и естественным.

Ориентация на взаимодействие и достижение взаимопонимания в межкультурном общении ставит задачу изучения содержания и структуры повседневного знания у представителей разных культур, выявление его этнокультурной специфики. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы, касающиеся природы и статуса культурного знания в силу их определенной «двойственности».

По признанию ряда ученых, знания вообще не существует, знание есть феномен культуры, поскольку «внутри той или иной культурно-исторической парадигмы создаются свои критерии оценки знания, вырабатываются свои семиотические механизмы и правила представления знания в нашем сознании...» [1: 177]. Отмечая тесную взаимосвязь культуры и познания, Н.Ф. Алефиренко, с одной стороны, характеризует знание как элемент культуры, поскольку оно представляет собой важный фактор упорядочения повседневной жизни и деятельности людей. С другой стороны, знание – это продукт культуры, ведь процесс освоения человеком правил, норм, стереотипов мышления «происходит путем включения знаний в реальную историческую практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу» [1: 174–175].

Следует отметить, что впервые идея взаимосвязи познавательных процессов и культуры была обоснована Люсьеном Леви-Брюлем (1857–1939) в его монографии о первобытном мышлении: ученый утверждал, что при исследовании мышления индивида необходимо принимать во внимание культуру, к которой он принадлежит [17: 130–140].

Попытку объяснить природу культурного знания неоднократно предпринимали многие ученые. По мнению французского философа Э. Дюркгейма, сущность общества составляет система коллективных представлений (*représentations collectives*), которые вырабатываются сообща и не могут быть сведены к индивидуальным представлениям отдельных людей о каких-то общественных явлениях. В коллективных представлениях, считает ученый, «как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем жизнь индивида» (цит. по: [12: 36]).

Проблемы влияния культуры на сознание ребенка находились в центре внимания Л.С. Выготского, который сформулировал принцип культурно-исторической детерминации мышления и психических процессов, согласно которому культурно обусловлены изменения не только в содержании мышления, но и в специфике самих психических процессов [23: 35]. Это

объясняется механизмом возникновения психических функций: «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва – между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения между людьми» [4: 197–198].

А.Н. Леонтьев подчеркивал, что человек воспринимает от общества «готовые значения», поскольку «индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении...» [16: 119].

Одной из наиболее «серьезных заявок» на объяснение механизмов социального познания, по словам Г.М. Андреевой [2: 220], является *теория социальных представлений*, автором которой является французский социолог Серж Московичи. Основные положения концепции С. Московичи можно представить следующим образом: а) знание вырабатывается в контексте широкого общественного взаимодействия людей; б) содержание знания фиксируется в различных видах дискурса; в) носителем знания является не отдельный индивид, а большие социальные группы; г) социальные представления выполняют важную социальную функцию: будучи атрибутом социальной группы, они и служат группе, участвуя в социальных процессах [5: 33].

Соратник С. Московичи Д. Жоделе характеризует категорию социального представления следующим образом: это «способ интерпретации и понимания повседневной реальности, форма социального знания», это «знание здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены» [29: 357–378]. Социальное представление, в понимании С. Московичи, это специфическая форма познания мира обычным человеком, которая возможна только в процессе коммуникации. Именно благодаря коммуникации знание приобретает *разделенный, т.е. интерсубъективный* характер. «Разделяемость» результатов познания означает, что, «несмотря на индивидуальные или групповые представления о различных социальных явлениях, люди существуют в некотором общем познавательном пространстве» и что они разделяют в определенных пределах значение тех или иных познаваемых ими объектов [2: 54]. «Разделяемость» результатов познания подтверждает огромную роль языка в производстве, хранении и передаче культуры, поскольку все «ее элементы должны быть *обозначены*, притом так, чтобы, несмотря на субъективное происхождение знаков, значения их были бы доступны пониманию и других участников реальной жизни» [2: 42]. При этом, важной особенностью знания как социально-культурного феномена, по мнению Н.Ф. Алефиренко, является «не столько его соответствие действительности, сколько тот

факт, в какой мере данная форма знания согласуется с общими ценностно-смысловыми стандартами культуры» [1: 178].

На основании этого весьма краткого обзора можно заключить, что в современной науке философы, социологи, психологи и лингвисты разделяют положение о социально-культурном характере человеческого знания, отмечая при этом, что *социальный характер* знания следует из общественного бытия человека и коммуникации.

Но, с другой стороны, трактовка знания как системно упорядоченного набора сведений, отложившегося в сознании как часть памяти» [13: 28; 1: 179], как «достояния индивидуального сознания и подсознания» [10: 51] свидетельствует о *психологической природе* человеческого знания, которое формируется по законам когнитивно-психической и аффективной деятельности человека [8; 9; 10]. В этой связи первостепенное значение имеет выделение и разграничение А.А. Залевской двух типов знания: *коллективного и индивидуального* [8: 33]. Последнее определяется как знание, формирующееся «по законам психической деятельности, но под воздействием и контролем выработанных социумом норм и оценок». При этом термин «индивидуальное» указывает не на содержание знания того или иного человека, речь идет о *принципиальных особенностях знания как достояния индивида* [8: 33]. Коррелятом к данному типу знания, по мнению ученого, является коллективное знание, определяемое как «совокупное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной лингвокультурной общности по законам психической деятельности и взаимодействий в сверхбольших системах» [8: 33].

Следовательно, понимание знания как достояния индивидуального или коллективного субъекта «ведет к необходимости перенесения фокуса внимания на *психологический статус знания*» [10: 51], поскольку оба эти типа знания формируются по законам психической деятельности. Данную точку зрения разделяет Е.В. Улыбина, которая отмечает, что «коллективные представления, являясь составной частью социального сознания, обладают *психологической реальностью* (курсив мой. – Н.К.), выходящей за пределы физиологической реальности мозга» [24: 11].

Попробуем определить параметры психологической составляющей культурного знания. Одним из важнейших параметров психологической составляющей культурного познания является *многоуровневый характер психического отражения*, поскольку вся «совокупность психических явлений представляет собой систему различных форм и уровней субъективного отражения человеком объективной действительности» [7: 7]. Как известно, традиционно в психологии выделяются три основных уровня психического отражения: 1) *сенсорно-перцептивный* или уровень ощущений и восприятий; 2) уровень *представлений*, отличающийся предметностью, панорамностью, на котором происходит схематизация предметного образа и складывается целостная умственная картина, и 3) *вербально-логический* уровень или уровень понятийного мышления, на котором

человек оперирует абстракциями и обобщениями, зафиксированными в знаках [Op. cit.: 13]. Отличительной особенностью функционирования данных уровней является наличие *тесной взаимосвязи, единства образной и понятийной форм* психического отражения (чувственного и рационального в познании), поскольку в реальном когнитивном процессе они органически взаимосвязаны и непрерывно переходят одна в другую [Op. cit.: 16]. В ходе реальной деятельности в зависимости от конкретных условий может меняться *соотношение между разными уровнями отражения* и при определенных условиях вербально-логический уровень отражения может выполнять *организующую и регулирующую функцию в построении образа* [Op. cit.: 16–19].

Следует отметить, что в последнее время ученые все более решительно высказывают мнение о тесной взаимосвязи и единстве всех уровней психического отражения, поскольку это «хорошо согласуется с концепцией непрерывности психического, с трактовкой психической деятельности как всегда живого, предельно пластичного и гибкого процесса» [8: 68]. На наш взгляд, многоуровневость психического отражения и тесная взаимосвязь его различных форм проявляется в сложной структуре человеческого сознания, важнейшей характеристикой которого является наличие взаимодействия между отдельными слоями и составляющими, что «определяет динамическую природу сознания» и создает условия как для развития психики, так и для культуры в целом [24: 51–52]. Комплексный и многоуровневый характер субъективного отражения человеком объективной действительности обуславливает сложную структуру ментальных репрезентаций.

Каждый человек обладает определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений, но этот наличный комплекс знаний не является гомогенным. Прежде всего, в этом знании различимо ядро, «далее следуют зоны вещей, считающиеся само собой разумеющимися... И, наконец, есть регионы, о которых мы ничего не знаем» [27: 321]. Следовательно, в системе обыденного знания можно выделить ядро или поверхностный, актуальный слой, который отражает общие и наиболее типичные представления, а также периферию как зону потенциальных индивидуальных различий. С другой стороны, совокупность знаний семантически организована в целостные структуры, поскольку «для построения образа объективной реальности требуется интеграция разделенных в пространстве и времени, но объективно связанных между собой сведений» [26: 275].

Познание протекает в реальных условиях жизни, в процессе взаимодействия человека со средой, именно поэтому этот процесс неразрывно связан с характером деятельности субъекта, а также со свойствами его личности, что предполагает *деятельностный и «самоинтересованный»* характер отношения индивида к познаваемой реальности. Как утверждают философы, «отражение мира в психике субъекта ... всегда опосредовано внутренними и внешними процессами деятельности» [25: 15]. Существен-

ную роль в выборе предмета познания, в создании его познавательного образа «играет сам познающий субъект, его цели и практическое отношение к миру» [22: 16]. Другими словами, в сферу человеческого отражения вовлекаются не все свойства предметов, а только лишь те, которые имеют непосредственное значение для человека.

Познание как *активный* и сугубо человеческий процесс может развиваться с учетом двух когнитивных стратегий:

1) стратегии *рационального* постижения действительности, когда субъект отталкивается от природы объекта отражения и максимально нацелен на выделение реально существующих признаков объекта;

2) стратегии *аффективно-оценочного* познания, когда субъект ориентирован в большей степени на выражение собственного аффективно-ценностного отношения к объекту познания, а не на познание его существенных свойств [14]. Таким образом, структура личности и *направленность познавательных интенций* изначально участвуют в детерминации когнитивных процессов и их результатов. На наш взгляд, каждая из выделенных стратегий может определенным образом влиять как на выбор когнитивных механизмов, так и на содержание «когнитивного продукта» в той или иной культуре. Следовательно, направленность познавательных процессов может служить источником этнокультурной специфики в содержании обыденного знания.

Одним из наиболее важных факторов, который оказывает существенное влияние на результаты познания, является учет *прошлого опыта и уже приобретенных знаний*. Первоисследователь категории обыденного познания, немецкий ученый А. Шюц отмечал исключительную роль наличного корпуса знаний в повседневной жизни индивида: «Человек в каждый данный момент повседневной жизни имеет наличный комплекс знаний, который служит ему *схемой интерпретации* его прошлого и нынешнего опыта, а также определяет предвосхищение им будущих событий» [27: 320]. Сегодня в когнитивной науке уделяется большое внимание влиянию предшествующего опыта и знания на характер и результат познавательного процесса, что нашло отражение в теории «схем».

Первоначально термин «схема» был использован У. Найссером, чтобы объяснить механизм предвосхищения. По его мнению, «восприятие само зависит от навыков и опыта воспринимающего – от того, что он знает заранее» [21: 34]. *Перцептивные схемы*, согласно Найссеру, это планы сбора информации об объектах и событиях [Op. cit.: 74], они формируются в процессе всей жизни, в силу чего опыт, знания и навыки познающего субъекта «оказывают критическое влияние на полноту восприятия реальных предметов и событий» [Op. cit.: 6]. Найссер полагал, что «в жизни человека нет такого периода, когда он был бы полностью лишен схем»; даже для младенцев характерно много различных видов поведения по сбору информации, например, они смотрят в направлении звука, следят глазами за предметами, тянутся к вещам, которые видят [Op. cit.: 82–83].

С.В. Лурье, анализируя работы в области современной зарубежной когнитологии, пишет, что сегодня американские ученые уделяют большое внимание теории схем, поскольку когнитивные схемы представляют все концептуальное знание индивида. Что касается лингвистических форм, то они категоризируют схемы и обеспечивают средства их вербализации [18: 479–481]. Например, в подходе Р. Д'Андрада, «когнитивная схема связывает культуру и психологию: проникая в психику человека в процессе его социализации и инкультурации, когнитивная схема направляет действия человека», она заставляет человека видеть мир под определенным углом зрения и действовать в соответствии со своей культурной детерминацией [18: 431]. М.У. Айзенк и М.Т. Кин утверждают, что когнитивные схемы, в отличие от ментальных репрезентаций, являются не элементами системы, а собственно системой – т.е. «организованным набором информации о мире, событиях или людях, который хранится в долгосрочной памяти» (цит. по: [19: 18]).

Одной из актуальных проблем для когнитивной лингвистики является поиск способов *фиксации обыденного знания*. Повседневность, по мысли С.Б. Кожевникова, «имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок и предпочтений», что позволяет рассматривать ее как организованную реальность, доступную теоретическому описанию [11: 37–38]. На наш взгляд, повседневное знание можно представить в виде совокупности концептов, в которых зафиксирован опыт взаимодействия человека с повседневной средой, поскольку именно концепт признан сегодня в когнитивной лингвистике основной единицей сознания и ментального знания.

В этой связи первым шагом на пути выявления этнокультурной специфики обыденного знания является моделирование концептосферы повседневности, т.е. выделение определенной совокупности *базовых концептов повседневной культуры*, которые и будут представлять наиболее существенные и отличительные черты обыденного знания, выработанного в рамках определенного лингвокультурного сообщества. В таком случае, в число базовых концептов, раскрывающих специфику повседневной культуры, должны войти концепты, в которых репрезентированы результаты социализации и освоения мира индивидом во времени и пространстве. Особую роль в формировании концептосферы повседневности с точки зрения индивидуальной человеческой жизни играет опыт освоения культурной среды, взаимоотношения человека с людьми и миром, а также система витальных ценностей. С учетом сказанного, модель концептосферы повседневности можно представить следующим образом.

1. Пространственная ось: ДОМ, ГОРОД/ДЕРЕВНЯ, РОДИНА, МИР;
2. Временная ось: СЕМЬЯ, ШКОЛА, РАБОТА;
3. Ось взаимоотношений: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ЧУЖИЕ;
4. Ось витальных ценностей: ДОМ/ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА, ЕДА.

Человеческое сознание недоступно наблюдению, извлечь модели знаний из структур памяти и сознания можно только лишь с помощью языка. Вслед за А.А. Залевской, мы полагаем, что с помощью слова можно проникнуть в модели мира, выявить содержание и структуру культурного знания, поскольку через слово происходит овладение опытом предшествующих поколений, становление индивида как члена определенного социума, слово это *средство доступа к информационной базе* человека [9: 425]. Слово как бы «высвечивает» определенный *условно-дискретный фрагмент «индивидуальной картины мира* во всем богатстве связей и отношений». При этом, «актуализация отдельного наиболее рельефного признака объекта неизбежно сопровождается подсознательным учетом и других характеристик этого объекта» [9: 434].

Задача выделения и изучения структур обыденного знания у представителей различных культур потребовала поиска адекватных методов и приемов исследования. С целью реконструкции обыденного знания нами был проведен сравнительный ассоциативный эксперимент «направленного типа» во Франции и России. Участниками эксперимента выступили студенты Мурманского государственного педагогического университета и французские студенты из города Лиона (Ecole Normale Supérieure и Université Lyon II), всего 134 человека, по 67 человек с каждой стороны в возрасте от 17 до 27 лет. Согласно заданию участники эксперимента должны были назвать первые пять слов по ассоциации со словом-стимулом, в качестве последних послужили следующие наименования: *famille/семья, maison/дом, nourriture/еда, travail/работа, les amis /друзья, vêtement/ одежда, école/школа, un étranger/иностранец, France/Франция, Russie/Россия*. Таким образом, мы предполагали, что слово должно актуализировать в индивидуальном сознании некоторый фрагмент знания, представляющий целостную обобщенную ситуацию с определенным набором характерных и факультативных составляющих. В итоге было получено двадцать ассоциативных полей на двух языках общим количеством в 6700 вербальных реакций, при этом каждое из ассоциативных полей содержит в среднем по 335 вербальных компонента.

В качестве *главного метода* изучения национально-культурной специфики обыденного знания было избрано сопоставительное изучение ассоциативных полей, полученных на слова-эквиваленты в русском и французском языках, «поскольку кросскультурные исследования являются, по словам Н.В. Уфимцевой, одним из наиболее эффективных элементов изучения содержания сознания» [28: 6]. На наш взгляд, контрастивный подход к изучению фрагментов обыденного знания позволит не только выявить общее, но и увидеть культурно-специфическое в содержании обыденного сознания у представителей разных культур.

Обработка и анализ вербальных компонентов ассоциативных полей осуществлялись в два этапа и включали ряд процедур и операций (см.: [15: 98–101]). На первом этапе было выделено стереотипное ядро с последую-

щим анализом общих и специфических компонентов в двух группах испытуемых. На втором этапе с целью моделирования структуры концепта были использованы две операции: а) семантико-тематическая классификация компонентов ассоциативного поля и б) реконструкция глубинной предикации, связывающей слово-стимул и вербальную реакцию, что позволило не только определить содержание ментальных представлений, но и выделить структуру обыденного знания.

Например, в результате обработки и анализа компонентов ассоциативного поля MAISON у французов были выделены следующие сегменты (слои) обыденного знания.

1. Дом как архитектурное строение – 84 эл.
2. Назначение, роль дома в жизни человека – 63 эл.
3. Дефиниции дома – 54 эл.
4. Местонахождение – 37 эл.
5. Свойства, качества дома – 33 эл.
6. Те, кто живут в доме – 30 эл.
7. Условия приобретения дома – 11 эл.
8. Занятия, дела в доме – 11 эл.
9. Мебель, интерьер – 4 эл.
10. Время – 3 эл.

Эти сегменты, ранжированные в соответствии с количеством компонентов, и будут определять своеобразную структуру повседневных знаний о доме у французов.

У россиян структура концепта ДОМ, в соответствии полученными в этой группе количественными данными, имеет несколько другой вид, несмотря на то, что перечень основных слоев совпадает в двух культурах:

1. Свойства, характеристики дома – 74 эл.
2. Назначение, роль дома в жизни человека – 66 эл.
3. Дом как архитектурное строение – 57 эл.
4. Те, кто живет в доме – 41 эл.
5. Мебель, интерьер, вещи – 30 эл.
6. Дефиниции – 21 эл.
7. Местонахождение дома – 19 эл.
8. Ассоциации – 15 эл.
9. Домашние занятия – 9 эл.
10. Время – 2 эл.

В результате сопоставления концептов ДОМ/MAISON в двух культурах удалось выявить:

1) наличие общего и специфического в структуре концепта. Например, у россиян и французов перечень основных концептуальных слоев совпадает, что говорит о выделении общего ядра в содержании их представлений. Но, при этом отмечены определенные *различия в номенклатуре* слоев концепта. Так, у россиян в структуре обыденного знания не представлен слой

Условия, проблемы приобретения дома, а у французов отсутствует слой Ассоциации. Концептуальные признаки *Время* и *Занятия, дела в доме* составляют в двух культурах периферийные слои концепта;

2) значительные количественные расхождения в наполняемости слоев концепта. Так, в группе французских испытуемых концептуальный слой *Дом как архитектурное строение* содержит на 30 единиц больше, чем аналогичный у россиян. У россиян, напротив, ведущим является когнитивный слой *Свойства, характеристики дома*, который по числу компонентов больше чем в 2 раза превосходит аналогичную группу у французов и по числу компонентов занимает первое место (74 эл.), в то время как у французов – пятое (33 эл.).

Мы полагаем, что различия в структуре концепта свидетельствуют о наличии определенных расхождений в когнитивных стратегиях в двух сравниваемых культурах. Например, россияне в процессе вербализации культурных представлений о доме гораздо чаще, чем французы, прибегают к описанию дома по модели: ДОМ есть КАКОЙ (*большой, двухэтажный, зеленый* и т.д.). При этом важно отметить, что у россиян выделение свойств, качеств дома часто осуществляется через призму эмоционально-аффективного отношения, репрезентируемого с помощью вербальных компонентов типа *уютный, красивый, милый, маленький, родной*.

У французов ведущей стратегией выделения признаков является ориентация на фиксацию *реальных, объективных* сторон объекта, что реализуется с помощью двух моделей: а) через указание на одну из составных частей дома (ДОМ имеет ЧТО); б) через определение местоположения дома в пространстве (ДОМ находится ГДЕ).

Важно отметить, что французы в два раза чаще по сравнению с россиянами прибегают к логическим дефинициям, типа: ДОМ это есть X, например, *Maison c'est foyer, chez soi, lieu de vie commun, espace, endroit, habitation, domicile*. Здесь отмечается стремление дать логическое определение артефакту, классифицировать понятие, что позволяет говорить о *рациональном и аналитическом подходе* французов при вербализации ментальных представлений. Что же касается россиян, то им свойственна *ассоциативная стратегия* выделения признаков, подтверждением чему является наличие соответствующего слоя в структуре концепта, в котором представлены ассоциации различной модальности: а) зрительные: ДОМ – *снег, огонь, облака, рисунок, машина*; б) слуховые: ДОМ – *тишина, музыка*; в) обонятельные: ДОМ – *запах, пахнет жасмином*. Подобная стратегия не зафиксирована у французов.

Таким образом, контрастивный анализ обыденных представлений о доме позволил констатировать, что в двух культурах имеются существенные отличия не только в содержании и структуре культурного знания, но также и в *механизмах и процедурах* получения этого знания.

Проведенное исследование концептов повседневной культуры россиян и французов через призму ассоциативных полей подтверждает, что

обыденное знание тесным образом связано с типом культуры, ее ценностно-смысловыми константами, а также с выработанными в данной культуре когнитивными моделями и стратегиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания.: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций.– М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
5. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Институт психологии РАН, 2006.– 398 с.
6. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Пособие для студентов вузов: В 2-х ч. – М.: Аспект-пресс, 1994. – Ч. 2. – 238 с.
7. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.Л. Образ в системе психической регуляции деятельности. – М.: Наука, 1986. – 175 с.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
9. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
10. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
11. Кожевников С.Б. Аксиология повседневности: Монография. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-, 2003. – 246 с.
12. Колеватов В.А. Социальная память и познание.–М.: Мысль, 1984.– 190 с.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г, Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
14. Курганова Н.И. Компаративный подход к изучению содержания и структуры культурного знания // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7. – С. 94–105.
15. Курганова Н.И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры: Монография. – Мурманск: Мурманск. гос. пед. ун-т, 2007. – 312 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2005. – 352 с.
17. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Петухова В.В.. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1981.– 400 с.
18. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. – 624 с.

19. Лютикова Е.В. Аксиоматика повседневности. Внеэрациональные основания познания и коммуникации: Монография. – М.: ИКАР, 2006. – 264 с.
20. Минюшев Ф.И. Социология культуры: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2004. – 272 с.
21. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
22. Павлиёнис Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
23. Стеценко А.П. Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. – М.: ЧеРо, 2005. – 256 с.
24. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
25. Урсул Д.Т., Сабощук А.П. Философский анализ механизма перцептивного отражения // Проблемы развития познания / Под ред. А.И. Бабия. – Кишинев: Штиинца, 1981. – С. 3–27.
26. Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
27. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 10–34.
28. Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. ст. / Отв.ред. Н.В. Уфимцева. – 2-е изд. – М.: РАН ИЯ. 2000. – 256 с.
29. Jodelet, D. Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie. // Psychologie sociale / sous la direction de S. Moscovici. – P.: PUF, 1984. – P. 357–378.

Е.М. Масленникова

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

На рубеже XX–XXI веков многие ученые пришли к выводу о «необходимости решительной переориентации ... с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, языкового сознания, языковой / лингвокультурной компетенции» [4: 75]. Таким образом, постепенно наметился переход от чисто лингвистических к лингво-когнитивным исследованиям коммуникации.

Переосмысление положений теории лингвистической относительности Сепира–Уорфа привело к смене научной парадигмы в сторону «этно». Активное обращение к компоненту «этно-» и анализ роли культуры в формировании ментальности, представлений о внешнем «реальном» мире и т.п. привело к сближению лингвистики, психологии, культурной антропологии, этнографии и ряда других наук, что может быть названо, по мнению Р.М. Фрумкиной [17], второй когнитивной революцией. Возникли комбинации